

Дарья Донцова

240807

Дарья ДОНЦОВА: ПЕРВЫЕ РОМАНЫ Я НАПИСАЛА В РЕАНИМАЦИИ

Всех кучб.
- 2001. -
- Мавг. - с. 11

принес бумагу и карандаш: «Пиши, нечего вокруг смотреть!» Онкологическая реанимация – не самое приятное зрелище. Хорошо помню, как сажусь на кровать, и у меня перед глазами проносятся видеокартинка. Четко-четко, как вас вижу: блондинка в шубке идет к машине, садится за руль... И я понимаю, что это я еду к себе домой. Но машина не моя, и живу я не там и не со своими. Откуда-то возникло, что меня зовут Даша, что фамилия моя Васильева, что у меня такие-то дети...

– ...И родился первый роман. – И первый, и тридцатый. Я не выдумываю, я вижу романы. Доходит до смешного: героиня бежит – болят ноги у меня, она ест – мне поесть тяжело, потому что «я» уже поела.

– Правда, что вы до последнего момента не знаете, кто преступник?

– Я только приемник, и все! Говорила об этом журналистам – не верят... Осложите и не думаю, он приходит сам. Был случай, когда герой мне страшно не нравился. Думаю: «Гадина, знаю, что ты убийца!» И вдруг на последних страницах он ко мне поворачивается и говорит: «Знаю, я тебе не нравлюсь, но ты разве не поняла, что это она?!» И тычет пальцем в очень милую пожилую даму. У меня, как говорит Маша, пачка разинулась! Я давай рукопись шуровать, и вижу, что по всему роману расставлены крючки на нее!

– Неужели из реанимации вы сразу пошли в издательство?

– Сперва я раздавала рукописи соседкам по палате. У меня почерк детский, каждая буква выписана отдельно. Соседки стали читать, и одна мне говорит: «Я первую ночь проспала без промедола». Я подумала: может, уже ради этого стоит писать? И просто забыла о болезни. Одна из самых смешных книг у меня – «Дантисты тоже плачут». Писала я на «химии»: напишу десять страниц, потом к горлу подступает – бегу обнимать унитаз. Пообнимаю – несусь назад.

Когда вышла из больницы, у меня уже было четыре романа. Сын моей подруги, напористый молодой человек двадцати пяти лет, сказал: «Ты не Солженицын, чтобы в стол писать, отнеси в «ЭКСМО». Он уже просчитал: «ЭКСМО» от нас через два дома, когда меня начнут выпускать серийно, будет недалеко ходить. Я взяла рукопись под мышку и пошла.

Представьте, шестое сентября, день рождения моей дочери. Думаю, сегодня мне должно повезти. Прихожу: в беретке, лысая от облучения, на лбу последняя волосина, я ее очень любила и укладывала нежно. Еще жарко, а на мне пальтишко с воротничком, потому что нарушена терморегуляция. Прикиньте, чучело? Такие городские

сумасшедшие по издательствам ходят стаями. Я влетела к главному редактору. Он стоял на пороге, такой красивый мужчина в костюме от «Хьюго Босса». «Здравствуйте, – говорит, – рады вас видеть». Меня уже заколотило от ужаса: вдруг он меня с кем-то перепутал?! А он так спокойно: «Что у вас?». Как воспитатель с ребенком-дауном. Я сказала, что детективный роман. – «Очень хорошо, у нас детективами занимается Ольга Вячеславовна Рубис, вот туда по коридорчику». Я прихожу, сидит блондинка, говорю: «Вот рукопись». Думаю, сейчас охрану позовет! Она: «Большое спасибо, ждите, мы позвоним». Я поворачиваюсь, а у нее рукописи подперли потолок, и моя на самом верху.

Вышла, села на автобусной остановке, и со мной приключилась истерика: рыдала, сняла эту беретку к черту, вытиралась ей. А народ у нас добрый, вокруг меня все бегает: «Женщина плохо!» Кто-то принес воды, кто-то тянул сигарету: «Что случилось, кто-то умер»? А я объяснить не могу.

– Но все кончилось хорошо.

– Пятнадцатого октября, уже в день рождения мужа, позвонила моя теперь редакторша и так спокойно говорит: «Агрипина Аркадьевна, мы приняли по вашей рукописи положительное решение. Но она маленькая, у вас есть вторая?» А у меня уже было семь. Принесла вторую, третью, четвертую... Муж не думал, что из этого что-то выйдет, ему было меня жаль. Позвонил приятелю, говорит: «Жена совсем больная, написала книжку, можешь ее издать за мой счет? Пускай всем раздадут сто экземпляров и говорят, что она писательница». Я это потом узнала.

– А ведь серию «Иронический детектив» придумали специально для вас?

– Первая моя книжка вышла в январе, в другой серии, потом было девять месяцев перерыва. Я не понимала, почему: принесла рукописи, в издательстве так смотрели на меня странно и куда-то их клали. Все принимали, на них заключались договоры. Потом редактор мне сказала: «Вы не влезаете ни в одну серию, мы создадим новую». Когда накопились рукописи, она поняла, что я могу стабильно писать.

– И теперь у вас...

– Издано двадцать книг, написано тридцать. Это начиная с 98 года. Я вообще не завидую чужим мужьям-брильянтам-машинам, но в 98 году, когда первая книга еще не вышла, но я уже знала, что выйдет... Хожу мимо книжных лотков и вижу: Маринина, Полякова... У меня не просто зависть – эпитета нет этому чувству! Это черно-фиолетовая суперзависть, меня раздрало на части: «Где же моя книжонка-то, ну, где?!» При том, что я люблю Таню

Полякову и Марину Анатольевну и как людей, и как авторов. Когда вышли первые книги, я думала: «Маринина столько написала! Я должна написать не меньше.» Потом стала думать: «А Дюма написал больше». А теперь... Была такая Барбара Карланд: то ли семьсот девяносто два, то ли семьсот девяносто шесть романов. Вот бы мне ее переписать, чтобы успокоиться!

– О вашей работоспособности ходят легенды: «Пишет по пятьдесят страниц в день и еще находит время на кучу детей и собак»...

– Насчет детей и собак – спорный вопрос. Сын говорит: «У всех мамы как мамы, носят одежду шестьдесят второго размера и варят щи. А у меня!» Я вешу сорок восемь килограммов, и щей от меня особо не дождешься. Одно время была сумасшедшей домохозяйкой, когда Маша еще не подросла. Потом так надоело! Времени жалко. Тут ребенок пришел из школы грустный-прегрустный: «Знаешь, иду домой, покупаю в ларьке картошку, а мне говорят: «Тебе сегодня скидка как постоянному клиенту»... Я кинулась к плитке, сварила суп, испекла пирог... Теперь думаю, может, нанять домработницу? Наташка говорит, что любит гладить белье. Врет, наверное.

– А страниц...

– Не пятьдесят, а пятнадцать. Бывает сорок, но когда все домашние уезжают, и некому влетать ко мне с воплями: «Дай есть!», «Дай пить!» Пишу от руки – компьютер меня не любит. Однажды втыкала дискету и вижу абракадабру. Приходит Маша из школы, говорит: «Мам, он тебе расставил по абзацам». Сначала все абзацы на «А», потом на «Б». Почему он продельвает это только со мной, не знаю!

– Значит, работаете за компьютером только под руководством дочери?

– Да. Отношу в издательство рукописи, там набирают и выдают мне распечатку и дискету, чтобы я поправила. Интернетом пользуюсь, если Маша меня туда внесет. У «ЭКСМО» есть свой сайт, там вывесили такую штуку: «Форум недели. Донцова – это нечто». Собирают фанатские высказывания, совершенно полярные: «Донцова – гениальная, потрясающая, Достоевский, Дюма, Ромен Ролан, – все в одном флаконе!» С другой стороны: «Полная кретинка, как это читать можно?!» Середины нет. Они там дерутся, спорят; хождение по сайту не для слабонервных. Один мужчина прилаженного склада написал примерно следующее: «Ладно вам, издательство, пургу гоняте, мы-то знаем, что Донцова – это три мужика из города Воронежа. Поменяли бы имя на мужское, тогда нормальным пацанам будет нестыдно читать».

– А вдохновитель-муж вас читает?

– Муж не вдохновитель, а декан факультета психологии МГУ. Ладно бы, занимался только учебным процессом, а то еще текущие сортиры и крышки. Он приходит домой в двенадцать ночи, падает в кровать с мобилником в руке. Поговорить с ним – проблематично. Книжки мои он в принципе не читает. Когда вышла вторая или третья, прочитал рукопись и говорит: «Нужно сделать это, это, это, а еще так, так и так». А я: «Тогда получится пособие «Как убить жену», но никак не детективный роман». И он согласился. Это не для него писалось: не для его возраста, не для его круга.

– Кстати об МГУ, вы ведь заканчивали журфак?

– Да, у бессменного Ясена Николаевича Засурского. Он у нас читал Драйзера. Во время учебы работала в «Вечерке» в отделе культуры. Когда закончила журфак, меня муж сестры отправил в Сирию переводчицей к консулу. Как он это аргументировал: «Есть ребенок, нет алиментов – надо зарабатывать». Заработала, вернулась и пошла опять в «Вечерку». Всему хорошему, что во мне есть, я обязана этой газете. Всеволод Шевцов, Володя Пахомов, Давид Гай, Наталья Зайцева (она сейчас главный редактор «Сударушки»). Эти люди учили меня терпеливо и упорно. «Вечерняя Москва» сделала из меня человека, умеющего владеть словом, благодаря ей, а не журфаку, я стала профессионалом. Я родом из «Вечерки» и горжусь этим. В 85-м году стало ясно, что будет ребенок, а я была в отделе информации, выпускающая бригада! Приходила домой поздно, орала: «Выключите свет! Оставьте меня в покое!». Муж и пристроил меня в районную библиотеку выдавать книжки. Коллектив там оказался изумительный: все старше меня раза в два-три, безумные хозяйки. Они меня и научили готовить. Потом три года декрет, потом тоска заела и зарабатывать было нужно. Я пошла преподавать немецкий язык. До недавнего времени у меня было две группы. У меня со всеми учениками остались хорошие отношения, они читают мои книжки, гордятся.

– А как ваши собственные дети?

– У Маши в классе очень скоро началось фанатство. Ее одноклассники приходили к нам: «Подпишите книжку». Потом выяснилось, что читают родители... Учителя тоже читают. Страшно было дать учительнице русского языка, потому что я часто писала за Машку сочинения. Как только пишу я, ребенок получает «три» и внизу подписи: «Не раскрывала тему». Пишет сама – получает «пятерку». Я ужасно боялась, но учительница ничего плохого про книги не сказала.

Встречалась Мария НЕКРАСОВА

Я на даче Дарьи Донцовой – автора двух десятков популярнейших детективов, признанных в 2000 году самым удачным проектом «ЭКСМО-Пресс» – в свою очередь, первого среди российских издательств. Как в ее романе, у ворот на меня налетают мопсы и пуделиха. В книжках они незлые, в жизни тоже. Появляется хозяйка и отзывает собак. Те, кто читал ее романы, помнят, как их зовут.

– Муля, Ада, Черри, как в книжках. Неужели и люди всамделишные?

– Не все. Сын Аркадий работает в страховой компании, дочка Маша перешла в десятый класс. Наташа – Аркашкина жена. Моя близкая подруга Оксана, хирург, полностью переехала в книжки.

Вообще-то я боюсь писать про близких. Однажды написала, как Оксана находит у больного что-то, чего другие не нашли, спасает его, и за это ей дарят машину. Через полгода так же случилось в жизни! Мы похихикали. Потом я сдуру написала, что Аркадий попал в аварию.

– И он попал?

– Через месяц! После появилась книга «Спят усталые игрушки». Там в

ФОТО ЕВГЕНИЯ ПЕРМАНА